

Вопросы экономики и права

**№ 12
2013**

Редакционный совет:

А.П. Торшин - председатель редакционного совета, заместитель Председателя Совета Федерации, кандидат юридических наук
Е.М. Ашмарина - доктор юридических наук, профессор
А.Г. Лисицын-Светланов - директор Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН
В.Н. Викторов - первый заместитель руководителя Аппарата Совета Федерации, доктор экономических наук, профессор
Ю.В. Голик - доктор юридических наук, профессор
В.А. Гамза - первый вице-президент Ассоциации региональных банков "Россия", кандидат юридических наук, кандидат экономических наук
С.Н. Сильвестров - заместитель директора Института экономики Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор
А.В. Мецеров - главный редактор журнала "Экономические науки", доктор экономических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Е.М. Ашмарина - главный редактор журнала "Вопросы экономики и права", доктор юридических наук, профессор
О.Ю. Бакаева - зав. кафедрой публично-экономического университета, доктор юридических наук, профессор
В.В. Болгова - доктор юридических наук, профессор
Ю.В. Ильин - руководитель секретариата Первого заместителя Совета Федерации
А.А. Ливеровский - декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (ФИНЭК), доктор экономических наук, профессор
И.В. Рукавишников - декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор
В.В. Симонов - начальник инспекции Счетной палаты Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор

Подписной индекс **70180** (Агентство "Роспечать")

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС 77-31419 от 6 марта 2008 г.,
выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций, связи и охране культурного наследия

*Журнал включен в Перечень ВАК Минобрнауки России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук*

Главный редактор доктор юридических наук, профессор **Е.М. Ашмарина**

Ответственный секретарь редакции доктор юридических наук, профессор **В.В. Болгова**

Редактор *И.Н. Лошкарева*
Компьютерная правка и верстка - *О.В. Егорова*

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается

Цена договорная

Учредитель - ООО "Экономические науки"
(125252, г. Москва, Чапаевский пер., д. 3, оф. 775)

© Вопросы экономики и права, 2013

Подписано в печать 26.11.2013 г. Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 23,25 (25,0). Уч.-изд. л. 27,78. Заказ №

Отпечатано в издательстве ООО "24-Принт"

Научно-информационный журнал**В НОМЕРЕ:****ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ****ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

- Владимиров С.М.** Основные вопросы современной теории субъекта права 7
Санникова С.С. Развитие системы обеспечения национальной безопасности в России 12
Угрюмова М.В. Журналы губернских и уездных земских собраний - ежегодные сборники документов в деятельности земских органов власти 15

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

- Дыба М.А.** К вопросу о возникновении специальных налоговых режимов 19
Даглас Х.Р. Специфика категорий “воля” и “правопреемство” в приобретении права собственности коммерческой организацией 24

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Строков А.А.** Об объективных признаках состава преступления по вовлечению лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, в совершение преступления 28

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

- Ланг П.П.** Особый характер производства по рассмотрению арбитражным судом дел о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок 35

ЭКОНОМИКА. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА**

- Фирсов И.В.** Механизмы управления в системе обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: понятие, виды и содержание 45
Смирнов А.А. Особенности инновационных процессов в реальном секторе экономики 50
Сахарова Л.А., Хоконов М.М. Промышленное развитие на новом этапе трансформации 56
Мурадян А.А. Состояние малого и среднего предпринимательства Российской Федерации в посткризисный период 60
Пшеничный С.П. Институциональные условия развития социального партнерства 65

Файзуллина Д.Д. Современное состояние и тенденции развития в области законодательного регулирования системы социального обслуживания	69
Фахрутдинова Е.В. Бедность и нищета: критерии и границы	73
Загидуллина В.М., Михайлов Ф.Б. О социальной защите детей-инвалидов в России	78
Халиков А.Л. Бедность молодежи: проблемы и пути преодоления	81
Сулейманов Т.Д., Сафина Л.М. Социальные интересы молодежи на рынке труда	85
Фомин Е.П., Фомина Н.Е., Маркевич С.В. Институциональные характеристики индустриальной сферы	90
 ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ	
Груничев А.С., Колесникова Ю.С. Развитие и реализация нематериальной собственности на макроуровне	99
Киселкина О.В. Организация командной работы в венчурном бизнесе	104
Герасимова С.В. Перспективные ситуации и базовые стратегии инновационного развития конкурентоспособности услуг	109
Шигабиева А.М., Мазитов В.М. Некоторые методологические основы теории инноваций	113
Саляхов Э.Ф. Направления государственной поддержки развития малого предпринимательства в России	117
Фахрутдинова Е.В. Человеческий капитал в Республике Татарстан: динамика развития	121
Сулейманов Т.Д. Интеллектуальная миграция молодежи в России	125
Максимова Т.П. Формы хозяйствования в аграрном секторе национальной экономики: противоречия де-юре и де-факто	129
 ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ	
Сахарова Л.А. Промышленное развитие: структура и тенденции	135
Дыгов Х.З., Хачетлова Е.Р., Попова Т.В. Государственное регулирование устойчивого развития промышленных предприятий	140
Мороз И.Н., Светлович Т.Г., Калинина Т.В. Анализ расходов учреждений здравоохранения, территориальных центров социальной защиты и Службы сестер милосердия БОКК при оказании медико-социальной помощи на дому (на примере районов Беларуси)	145
Шлафман А.И. Структурные трансформации интеграционных процессов в экономике Российской Федерации	148
 ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ	
Саберов Р.Х. Механизм и формы проектного финансирования	154
Отришко М.О., Меликсетян С.Н. Новации в финансовом обеспечении государственных (муниципальных) учреждений социальной сферы	159
Колесников Н.Ю. Кризисный потенциал структурированных кредитных продуктов	166
 БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ, СТАТИСТИКА	
Кузьменко О.А., Масюк Н.А. Человеческий капитал как объект бухгалтерского учета и отчетности	170
Григорьева С.В. Аналитическое обоснование стратегии развития автотранспортного предприятия ...	175
Мальсагов И.А. Организация интегрированной системы стратегического управленческого учета, анализа и контроля	178
Конева О.В. Российская модель развития малого бизнеса	182
<i>Annotations to the Articles</i>	189

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Теория и история государства и права

- Экономическое право

- Уголовное право

- Юридический процесс

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ СУБЪЕКТА ПРАВА

© 2013 Владимиров Сергей Михайлович
Самарский государственный экономический университет
443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141
E-mail: lvls@mail.ru

Рассматриваются основные предпосылки возникновения субъекта права, а также подходы к определению понятия “субъект права”. Предлагается авторский подход к понятию “субъект права”.

Ключевые слова: субъект права, правоспособность, дееспособность, правосубъектность.

Фигура субъекта права в современной науке права имеет большое значение. В последнее время субъекту права уделяется все больше и больше внимания в связи с популярностью концепции правового государства, где субъект права занимает главенствующую роль.

По мнению С.И. Архипова, персонцентристские идеи, концепция правового государства, естественно-правовые воззрения готовят почву к переходу общества к праву третьей ступени, где человек признается первичным субъектом права¹.

Вместе с тем в теории субъекта права до сих пор остается много дискуссионных вопросов: кто является источником создания субъекта права - человек либо государство, что представляет собой субъект права, каким образом связаны субъект права и субъект правоотношения, какая классификация субъектов права самая точная и т.д.

Следует остановиться на рассмотрении первых двух вопросов.

Как указывает С.И. Архипов, “человек, не признаваясь субъектом права, является единственным источником всего правового и главной целью права”². По мнению автора, общим основанием, из которого возникают все существующие субъекты права, выступает человек как правовой феномен. Юридические лица, в том числе государства, как субъекты права получают от него в результате эманации свои правовые качества (правовую волю, правовое сознание и т.д.), являющиеся их субстратом. От правовой личности человека отсекается все индивидуальное и помещается в форму индивида как субъекта права, а все общее (корпоративно-правовое) закладывается в форму юридического лица.

В то же время многие современные авторы придерживаются той позиции, что создателем субъекта права является государство, которое наделяет лиц возможностями субъекта права

путем закрепления их правового статуса в правовых актах. Считается, что положение субъектов права зависит от государственного и политического строя и отражает ситуацию в стране³. “Способность быть субъектом права, участником правоотношений обусловлена требованиями экономического базиса, социальными условиями жизни общества...”⁴ Признание лиц субъектами права является “специфическим выражением и закреплением их фактического общественно-классового положения, их роли в данной организации труда, собственности и распределения, их места в политической и культурной жизни общества”⁵.

Согласно указанной концепции лицо может приобрести статус субъекта права только через призму правовых норм, которые устанавливаются законодательной властью. Таким образом, именно государство определяет тот набор прав и обязанностей, которыми будет обладать субъект права, устанавливает виды субъектов права, в качестве которых могут выступать лица, а также механизм взаимоотношения субъектов между собой.

Набор прав и обязанностей лиц как единиц социума может существенно отличаться от объема прав и обязанностей, которыми будет обладать лицо со статусом субъекта права. Во-первых, это зависит от политического режима в стране (например, в тоталитарном или авторитарном государстве объем прав субъекта права - физического лица - существенно ограничен по сравнению с объемом прав человека). Во-вторых, различие объема прав человека и субъекта права связано с разносторонним характером качеств человека, ряд которых не могут быть урегулированы посредством права (в частности, не поддаются правовому регулированию эмоциональные, нравственные аспекты личности).

Подход, согласно которому субъект права воспринимается как результат деятельности государства, характерен для позитивистского понимания права. Позитивизм является одним из распространенных подходов к праву в России благодаря русской юриспруденции второй половины XIX в., которая сформировалась в позитивистском русле. Именно этицистский позитивизм преподавался в тот период в университетах, им руководствовались судьи и чиновники. Заложенные основания этицистского позитивизма укрепились и в советский период, соответствуя господствующей марксистской идеологии.

Помимо позитивистского подхода к определению права, существует идеалистический подход к понятию субъекта права, который был характерен для западной (К. Савиньи, Г. Пухта, Р. Иеринг) и российской дореволюционной (Н.М. Коркунов, Ю. Гамбаров) юриспруденции. При идеалистическом подходе субъект права рассматривается изолированно - как носитель индивидуальной воли и индивидуального интереса, вне связи с общественными отношениями. Аналогичные концепции встречаются и в современных учебниках и курсах права.

Кроме того, в настоящее время становится популярным “правовой натурализм”⁶, который рассматривает субъекта права как действительное физическое лицо, а юридическое лицо - как совокупность имущества, или совокупность людей, или и то и другое.

Указанный подход был очень близок советской юридической науке, которая полагала, что субъектами права являются вполне реальные участники общественных отношений - отдельные люди или соответствующие коллективы.

Специфика советского периода развития правовой науки достаточно сильно отразилась на научных взглядах по поводу трактовки понятий “субъект права”. Этот период характеризуется множеством различных теорий, которые до сих пор представляют интерес при изучении теории субъекта права.

В основном разнообразными в советский период были теории юридического лица, среди которых можно было выделить следующие:

1. Теория социальной реальности Д.М. Генкина⁷, согласно которой юридическое лицо является “социальной реальностью”, а не фикцией. Утверждалось, что юридическое лицо наделено определенным имуществом для достижения об-

щественно полезных целей или для решения социально-экономических задач государства и общества.

2. Теория государства С.И. Аскназия⁸. В соответствии с указанной теорией за государственным юридическим лицом всегда стоит само государство, или “всемирный коллектив”, являющийся действительным собственником его имущества. У государственного юридического лица отсутствуют какие-либо интересы, отличные от интересов государства.

3. Теория коллектива А.В. Венедиктова⁹ и С.Н. Братуся¹⁰, О.С. Иоффе¹¹. Данная теория была преобладающей в советской правовой доктрине. Юридическое лицо рассматривается как реально существующее социальное образование, имеющее “людовский субстрат” (сущность) в виде коллектива его работников, за которым стоит всемирный коллектив трудящихся, организованный в государство.

4. Теория директора (Ю.К. Толстой, В.П. Грибанов¹²). Представители этой теории пришли к выводу о том, что носителем субстанции юридического лица является его администрация (или директор), поскольку именно данный орган осуществлял права и обязанности, нес юридическую ответственность.

5. Теория социальных связей (О.А. Красавчиков¹³). Ее представители утверждали, что “когда законодатель употребляет выражение “юридическими лицами признаются организации”, то он говорит об организации... как об известном рода социальном образовании... Организация представляет собой определенное социальное образование, т.е. систему существенных социальных взаимосвязей, посредством которых люди (или группы) объединяются для достижения поставленных целей в единое структурное и функционально дифференцированное социальное целое”¹⁴.

6. Теория Б.Б. Пугинского. Согласно данной теории юридическое лицо воспринимается как некое правовое средство, с помощью которого конкретная организация допускается к участию в гражданском обороте¹⁵. Институт юридического лица - это правовая категория, применяемая государством для установления юридического статуса организации как участника имущественных отношений.

7. Теория персонифицированного (целевого) имущества¹⁶. Сторонники указанной концепции

считали главной функцией юридического лица сведение различных имуществ в единый комплекс и управление этим имущественным комплексом. Обособленное имущество служит реальной основой юридического лица, его и персонифицирует, наделяя владельца имущества правами юридического лица. Е.А. Суханов трактовал юридическое лицо как определенным образом организованный имущественный комплекс, юридически являющийся самостоятельным участником оборота.

После рассмотрения основных подходов к причинам возникновения субъекта права следует перейти к определению понятия “субъект права”.

В настоящее время вслед за советским гражданским правом вопрос о субъектах права во всей юридической учебной литературе, как правило, связывают с категориями право- и дееспособности, правосубъектности.

Так, по мнению М.Р. Асадуллина, субъектом частного права является “лицо, наделенное в соответствии с правовыми нормами правоспособностью, позволяющей распространять на него действие частного права, обладающее, при отсутствии препятствий объективного и субъективного характера, потенциальной возможностью быть участником правоотношений, урегулированных нормами частного права”¹⁷.

Традиционно в содержание правосубъектности входят как сами конкретные субъективные права и обязанности, так и юридическая возможность (или способность) иметь эти права и нести обязанности, возникающие у данного субъекта права тогда, когда он вступает в конкретные правовые отношения.

Изначально правосубъектность была неформальным с правовой и научной точки зрения понятием, в частности дореволюционным цивилистам данная субстанция была не известна. В истории русского права очень долго в качестве квалифицирующего субъективного признака выступало только понятие правоспособности. В дальнейшем с развитием государства и проведением ряда реформ объем субъективных прав увеличился, что дало толчок развитию теории правосубъектности. Появляются идеи о делении правосубъектности на два компонента: правоспособность и дееспособность.

Под правоспособностью обычно понимают способность иметь права и нести обязанности или возможность участвовать в правовых отно-

шениях, а под дееспособностью - способность своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать для себя обязанности и исполнять их¹⁸.

Следует отметить, что и в советской, и в современной юридической литературе понятие правосубъектности не получило единообразного толкования. Бесспорно определено лишь то, что правосубъектность неотъемлемо связана с субъектом права - носителем прав и обязанностей.

Существует несколько точек зрения по поводу соотношения категорий правосубъектности, право- и дееспособности и трактовки понятия правосубъектности.

Первая точка зрения состоит в том, что понятие правосубъектности связано с категориями правоспособности и дееспособности в их неразрывном единстве. Так, по мнению Н.В. Витрука, “правосубъектность личности представляет собой единство ее структурных элементов - правоспособности и дееспособности”¹⁹. Той же позиции придерживается С.С. Алексеев, определяя правосубъектность как праводееспособность и указывая при этом, что “категории “субъект права” и “правосубъектность” совпадают”, что “правосубъектность - это свойство, которое по своей природе неотъемлемо от лица”²⁰.

Сторонники второго направления в трактовке понятия правосубъектности разделяют мнение, что праводееспособность образует содержание этого понятия, однако одновременно учитывают, что имеются реальные общественные отношения, участниками которых являются правоспособные и не ограниченные в дееспособности граждане. Отсюда следует вывод, что правосубъектность совпадает с правоспособностью и для того, чтобы быть субъектом подавляющего большинства гражданских прав, достаточно обладать правоспособностью. Прямо отождествляли категории “правоспособность” и “правосубъектность” С.Н. Братусь²¹, Н.Г. Александров²², Ц.А. Ямпольская²³, А.В. Мицкевич²⁴. А.В. Венедиктов сопоставлял указанные институты только в тех отраслях, где правоспособность возникает без дееспособности.

По третьему направлению содержание правосубъектности расширяется за счет включения в него, помимо правоспособности и дееспособности, также прав и обязанностей, непосредственно вытекающих из действия законов (например, конституционных прав). При такой трактовке пра-

восубъектности она отождествляется с понятием статуса субъекта права.

Тема правосубъектности представляет широкий интерес в современной теории права, является предметом многих диссертационных исследований и научных разработок. В данных исследованиях освещается новый взгляд на понятие правосубъектности.

Так, по мнению К.И. Кистенева, правосубъектность должна рассматриваться как самостоятельная правовая категория, свидетельствующая о правовой способности субъекта иметь права и обязанности, быть их носителем на любой стадии их проявления, а также отвечать за неправомерную реализацию и исполнение. При этом автор полагает, что ошибочно полностью отождествлять правосубъектность и субъект права²⁵.

По мнению С.И. Архипова²⁶, правосубъектность является лишь одним из моментов, характеризующих субъекта права, а именно: моментом официального признания лица со стороны правопорядка в качестве носителя и реализатора прав и обязанностей. Остальные аспекты определения субъекта права как правового деятеля, лица в праве и так далее остаются в таком случае неохваченными. В этой связи отождествление правосубъектности и субъекта права представляется автору концептуально неверным. Таким образом, правосубъектность рассматривается как развивающаяся правовая связь лица с правопорядком.

Как указывает С.И. Архипов, правоспособность и дееспособность представляют собой две стадии развития правосубъектности. Автор рассматривает правоспособность и дееспособность посредством “связей развития”, когда правоспособность принимается за “низшее” состояние, а дееспособность - за “высшее”²⁷.

Правоспособность в силу своей формальности лишь обозначает субъекта права, но не раскрывает его содержания. Элементами правоспособности должны выступать не права или обязанности, а способности (возможности) быть: лицом в праве, носителем (обладателем) прав и обязанностей, субъектом правоотношений, субъектом правосознания, правовым деятелем и т.д.²⁸

Дееспособность лица С.И. Архипов рассматривает как “сложное правовое состояние лица, которое отражает постоянно меняющийся уровень его готовности к выполнению различных функций субъекта права”²⁹. С одной стороны,

дееспособность субъекта обуславливается действующим законодательством, с другой стороны, внутренними факторами самого лица (волей, сознанием и т.д.). Учитывая, что дееспособность выражает правовое состояние лица, она всегда индивидуальна, и чтобы конструкция дееспособности была применима в отношении всех лиц, под дееспособностью автор предлагает понимать “определяемую правопорядком готовность (способность) лица с точки зрения воли, сознания, организационных, имущественных, иных условий к осуществлению функций субъекта права”³⁰.

Подводя итог проведенному анализу современной теории субъекта права, следует отметить, что в науке права не сложилось однозначного определения понятия субъекта права. Субъект права продолжает оставаться одной из актуальных тем научных исследований, в которых предлагаются новые подходы к определению указанного термина.

В основном, современной теории права близок позитивистский подход к определению субъекта права, который рассматривает субъекта как вторичное явление по отношению к государству и праву, как продукт государственной деятельности. Помимо этого, распространены и другие подходы к определению субъекта права: идеалистический подход “правового натурализма”.

На наш взгляд, субъект права, в первую очередь, представляет собой результат мыслительной деятельности, придуманную условность для взаимодействия людей в обществе в целом и государстве в частности. Понятие субъекта права вводится только после появления в обществе государства и права. Значение субъекта права заключалось в определении места человека в конкретном правоотношении, его взаимодействия с другими участниками правоотношения в целях надлежащего регулирования связей в обществе. В дальнейшем теория субъекта права начинается развиваться, предпринимаются попытки определить субъекта права с научной точки зрения. Принимая во внимание, что уровень и значимость теорий о субъекте права зависит от развитости уровня страны и образования населения, можно предположить, что само понятие субъекта права является одной из теоретических научных разработок, необходимых для регулирования отношений в обществе создания определенных границ для поведения лица.

¹ *Архипов С.И.* Субъект права (теоретическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 9-10.

² Там же. С. 12.

³ *Кистенев К.И.* Система субъектов российского права в условиях рыночных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 22.

⁴ *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права: учеб. для вузов. М., 2002. С. 293.

⁵ *Явич Л.С.* Общая теория права. Л., 1976. С. 214.

⁶ *Архипов С.И.* Указ. соч. С. 31.

⁷ См.: *Генкин Д.М.* Юридические лица в советском гражданском праве // Проблемы социалистического права. 1939. № 1. С. 91 и след.; *Его же.* Значение применения юридической личности во внутреннем и внешнем товарообороте СССР // Сб. науч. тр. Института народного хозяйства. Вып. IX. М., 1955. С. 17 и след.

⁸ *Аскназий С.И.* Об основаниях правовых отношений между государственными социалистическими организациями // Учен. зап. Ленинград. юрид. ин-та. Вып. IV. Л., 1947. С. 5.

⁹ *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1948. С. 657 - 672.

¹⁰ См.: *Братусь С.Н.* Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). М., 1947. С. 34 - 71; *Его же.* Субъекты гражданского права. М., 1950.

¹¹ *Иоффе О.С.* Советское гражданское право. М., 1967.

¹² См.: *Толстой Ю.К.* Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л., 1955; *Грибанов В.П.* Юридические лица. М., 1961. С. 46 - 52.

¹³ *Красавчиков О.А.* Сущность юридического лица // Советское государство и право. 1976. № 1. С. 15.

¹⁴ Советское гражданское право / под ред. О.А. Красавчиков. В 2 т. Т. 1. М., 1972. С. 129 - 130.

¹⁵ *Пугинский Б.И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 161-165.

¹⁶ *Суханов Е.А.* Правовые основы предпринимательства. М., 1993.

¹⁷ *Асадуллин М.Р.* Система субъектов частного права: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011. С. 9.

¹⁸ См.: Гражданское право России: курс лекций / под ред. О.Н. Садикова. М., 1996. С. 81; Гражданское право. М., 1998. С. 112; Теория государства и права: курс лекций. М., 1996. С. 137; Теория государства и права: курс лекций. Саратов, 1995. С. 98.

¹⁹ *Витрук Н.В.* Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 89.

²⁰ *Красавчиков О.А.* Социальное содержание правоспособности советских граждан // Правоведение. 1960. № 1. С. 13.

²¹ *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 6, 13.

²² *Александров Н.Г.* Законность и правоотношения в социалистическом обществе. М., 1955. С. 34.

²³ *Ямпольская Ц.А.* О субъективных правах советских граждан и их гарантиях // Вопросы советского государственного права. М., 1959. С. 149, 152.

²⁴ *Мицкевич А.В.* Субъекты советского социалистического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952. С. 5.

²⁵ *Кистенев К.И.* Указ. соч. С. 11-12; 56-57.

²⁶ *Архипов С.И.* Указ. соч.

²⁷ Там же. С. 10.

²⁸ Там же. С. 11.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

Поступила в редакцию 02.11.2013 г.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ

© 2013 Санникова Светлана Сергеевна

Поволжский кооперативный институт

Российского университета кооперации Центросоюза России

413100, г. Энгельс, ул. Красноармейская, д. 24

E-mail: sannikovasvetlana@mail.ru

Анализируется развитие системы обеспечения национальной безопасности в российском государстве. Выделяются основные этапы развития, органы, обеспечивающие безопасность государства, в тот или иной период времени, а также основные направления их деятельности. Отмечаются особенности функционирования органов государственной безопасности в каждый исторический этап, и делаются выводы об их роли в решении проблем безопасности государства.

Ключевые слова: безопасность, органы безопасности, история развития, обеспечение национальной безопасности.

Обеспечение национальной безопасности на протяжении длительного времени было и остается одной из ключевых проблем для любого государства. В настоящее время под обеспечением национальной безопасности Российской Федерации следует понимать целенаправленную деятельность государственных и общественных институтов, а также граждан по выявлению и предупреждению угроз безопасности личности, общества и государства, по защите национальных интересов Российской Федерации¹. Одной из основных функций государства является обеспечение национальной безопасности путем создания приемлемых условий для формирования устойчивого развития и стабильного состояния экономики страны, благоприятных условий жизнедеятельности человека и гражданина.

Несмотря на то, что термин “национальная безопасность” появился сравнительно недавно, сама идея безопасности государства возникла еще в Древней Руси. Создаваемые в указанный период правовые нормы имели целью саморегуляцию общества, установление правил поведения, общежития, нарушение которых рассматривалось как посягательство на общую безопасность. Как правило, безопасность того времени ассоциировалась с безопасностью властных институтов, а также с обязанностью по обороне страны от внешнего врага. Наступательная внешняя политика рассматривалась как мера обеспечения безопасности государства, как реакция на реальные и мнимые угрозы извне².

Однако в указанный период в официальных документах не встречалось положений, которые можно было бы охарактеризовать как преступление против государства. Впервые упоминание о преступле-

ниях против государственной безопасности встречается в Судебнике 1497 г.: “А государскому убийце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью”³. Однако Судебники содержали в себе лишь зачатки положений о безопасности государства, наиболее четкая система приоритетов, в которой защита государства и его институтов выходит на первый план, была заложена в Соборном Уложении 1649 г. Бытует мнение, что вторая глава указанного исторического правового акта “явилась первым в истории русского законодательства кодексом, в котором дана если не исчерпывающая, то все же относительно полная система государственных преступлений”⁴. Вместе с тем здесь также видна ограниченность понимания сферы безопасности государства - все государственные преступления разделялись на посягательства на особу государя, его жизнь и здоровье и посягательства на его власть, а также деяния, квалифицируемые как оскорбление чести.

Таким образом, анализ норм Судебников, Соборного Уложения говорит о том, что государство олицетворялось в фигуре царя, а следовательно, закрепление основных деяний, составляющих угрозу жизни царя и его власти, свидетельствовали о важности и необходимости защиты государства и его институтов.

Нельзя не отметить, что XVII в. имел особое значение для развития основ обеспечения государственной безопасности, поскольку именно в этот период появились специальные учреждения, к компетенции которых относились вопросы государственной безопасности, - Приказ тайных

дел. Указанный орган не только осуществлял контроль над другими учреждениями, но и занимался расследованием наиболее значительных, с точки зрения государственной безопасности, политических преступлений. Для этого периода характерно и появление государственной тайны в современном ее понимании. В этот же период создавались и успешно функционировали специальные следственные и сыскные учреждения.

В период правления Петра I и Екатерины II государственная безопасность получила дальнейшее развитие путем дополнения имеющихся положений учением французских просветителей. Главной идеей того времени стала идея о том, что безопасность государства есть по своей сути безопасность общества, которая, в свою очередь, складывается из обеспечиваемой законом безопасности каждого из его членов, основанной на сознательном ограничении свободы по принципу «вольность есть право все то делать, что законы дозволяют»⁷⁵. Особую роль в обеспечении безопасности государства в XVIII в. играла регулярная армия, формирование которой проходило путем рекрутских наборов. А.Б. Каменский так охарактеризовал роль армии в рассматриваемом вопросе: «Понеже армия так нужна, что без нее государству стоять невозможно»⁷⁶.

Помимо регулярной армии, центральную роль в обеспечении государственной безопасности играл и Преображенский приказ, за которым было закреплено исключительное право ведения следствия и суда по всем совершенным на территории страны политическим преступлениям. В связи с большим объемом взяточничества и казнокрадства, рассматривавшихся как угроза государственной безопасности, создавались временные следственные комиссии - майорские канцелярии, которые впоследствии становились постоянно действующими центральными учреждениями. Особым же статусом в системе органов государственной власти обладала Канцелярия тайных розыскных дел - Тайная канцелярия - главное ведомство по охране государственной безопасности. Охрана государственной безопасности в рассматриваемый период времени обеспечивалась не только указанными органами политического сыска, но и постепенно созданной регулярной полицией, которая выступала важнейшим инструментом контроля за исполнением подданными своего долга, т.е. функции полиции охватывали не только общественную сферу, но и частную жизнь подданных.

XVIII в. в вопросах обеспечения национальной безопасности характеризуется тем, что имен-

но в это время складывается понимание государственной безопасности как основанной на порядке общественной, национальной безопасности, обеспечивающей безопасность каждого отдельного гражданина. Становится очевидным, что безопасность государства обеспечивается взаимодействием общества и государственных институтов, которые не могут существовать в отрыве друг от друга.

Революционное движение XIX в. не способствовало укреплению государственной безопасности, стоял вопрос о необходимости положить предел беспрерывно повторяющимся покушениям поколебать в России государственный и общественный порядок. Однако начало XX в. показало, что органы государственной безопасности оказались не подготовлены к эффективным действиям в период революционных потрясений.

Особую актуальность вопросы безопасности приобрели в годы Октябрьской революции и Гражданской войны. Основные угрозы государственной безопасности исходили от военных действий, иностранной интервенции, антибольшевистских восстаний, забастовок и т.д. Большевикам удалось в короткие сроки создать такой механизм государства (Советы, НКВД, наркоматы и т.д.), который стал главным орудием обеспечения безопасности их режима и сыграл решающую роль в мобилизации людских, материальных ресурсов и в подавлении политических противников и недовольства масс. Во времена Советской власти в органах безопасности усиливалось администрирование, укреплялась тенденция к объединению функций партийного и государственного руководства, к возрастанию распорядительных функций. Сильной стороной органов, обеспечивающих государственную безопасность, являлась их жесткая централизация, продуманная структура, сильный кадровый состав, идеологическая направленность деятельности, четкая политическая линия, чувство исключительности, что позволило советским органам государственной безопасности «стать в течение 10-12 лет одной из самых сильных спецслужб в мире»⁷⁷.

В июле 1934 г. впервые было создано Главное управление государственной безопасности НКВД СССР, которое являлось центральным органом разведки и контрразведки, осуществляющим все мероприятия по охране государственной безопасности. Основная задача указанного органа заключалась в выявлении и ликвидации кадров, агентуры и баз иностранных разведок, предотвращении и пресечении их деятельности против Советского Союза. При этом

были ограничены права органов государственной безопасности на внесудебную репрессию, т.е. у них было изъято право на вынесение приговора о высшей мере наказания.

Таким образом, можно отметить, что в советский период органы государственной безопасности вносили значительный вклад в укрепление советского государства, выполняя объективно необходимые функции защиты его внешней и внутренней безопасности.

В годы Великой Отечественной войны обеспечение государственной безопасности не ограничивалось лишь ограждением государства от внешних и внутренних угроз, а предусматривало также обеспечение стабильного функционирования экономики страны, поддержание боеспособности частей и соединений Красной Армии и Военно-Морского флота. Послевоенное время стало для органов государственной безопасности периодом перехода от военного режима работы к мирному.

Вершиной в развитии органов государственной безопасности российского государства стала деятельность Комитета государственной безопасности (КГБ), который достаточно эффективно контролировал ситуацию в политической, научно-технической и экономической сферах.

Существенные изменения, происходящие в стране в конце XX в., обусловили и специфику обеспечения национальной безопасности. Органы государственной безопасности в сложный для страны период обеспечили защиту жизненных интересов государства, не допустили подрыва базовых основ существования и развития общества, сохранили суверенитет и территориальную целостность страны, обеспечили основные права и свободы граждан Российской Федерации.

Улучшение экономического положения страны, рост социально-политической стабильности, духовная консолидация общества позволили в последние годы разработать и претворить в жизнь эффективную систему мер в сфере национальной безопасности Российской Федерации. Указом Президента РФ⁸ были намечены меры по повышению эффективности деятельности Федеральной службы безопасности, которые направлены на дальнейшее укрепление российской государственности, совершенствование дела обеспечения национальной безопасности страны.

Таким образом, можно утверждать, что на современном этапе вопросам обеспечения национальной безопасности уделяется все больше внимания, что дает основания предполагать, что в будущем

самая острая и болезненная проблема российского государства будет решена.

Изучение истории обеспечения национальной безопасности показывает, что еще в середине прошлого века национальная безопасность отождествлялась с военной безопасностью, поскольку состояла главным образом из способности отражать военную угрозу. Однако в настоящее время национальная безопасность зависит не только от вооруженных сил, но и от таких факторов, как экономика страны и ее конкурентоспособность, благосостояние граждан и их умонастроение и т.д. На современном этапе национальную мощь отдельно взятого государства можно определить только в контексте его отношений с другими государствами и их восприятия друг друга⁹.

В заключение можно отметить, что во все периоды истории Российского государства безопасность государства ставилась в зависимость от конкретных условий, которые предопределяли особенности обеспечения национальной безопасности на каждом этапе развития государства. Исторические факты свидетельствуют о том, что между уровнем безопасности и устойчивостью национального развития существует определенная зависимость: чем выше устойчивость развития нации как системы, тем выше уровень ее безопасности.

¹ Кардашова И.Б. МВД России в системе обеспечения национальной безопасности: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2006. С. 144.

² Дегоев В. О роли императива безопасности в российской истории // Россия XXI. 2003. № 4. С. 4-45.

³ Российское законодательство X-XX вв. М., 1983. Т. 2. С. 55.

⁴ Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912. С. 50.

⁵ Законодательство Екатерины II. М., 2000. Т. 1. С. 68-69.

⁶ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 184.

⁷ Белая книга российских спецслужб. М., 1996. С. 69.

⁸ Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 11 авг. 2003 г. № 960: [ред. от 29 июня 2013 г.] // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2003. № 33. Ст. 3254; 2013. № 26. Ст. 3314.

⁹ Зиборова В.В. Экономическая безопасность России как фактор обеспечения ее национальных интересов: дис. ... канд. экон. наук. Ставрополь, 2007. С. 87-88.

ЖУРНАЛЫ ГУБЕРНСКИХ И УЕЗДНЫХ ЗЕМСКИХ СОБРАНИЙ - ЕЖЕГОДНЫЕ СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

© 2013 Угрюмова Мария Викторовна
кандидат исторических наук, доцент
Нижевартовский государственный университет
628615, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56
E-mail: mugruymova@mail.ru

Рассматриваются вопросы составления, разработки, использования и хранения журналов губернских и уездных земских собраний, как уникальных сборников документов по всем видам земской деятельности. В ходе исследования установлены основные виды земских журнальных документов - постановления очередных и чрезвычайных земских собраний, документы о ревизионных комиссиях, земских гласных, земских управах, совещательных органах при управах, ходатайства по любым земским вопросам, финансовые документы) по земским финансам и земскому имуществу (сметы и раскладки, взносы платежей, отчетные документы и по счетоводству, земской натуральной и денежной повинности, документы об экономических и по сельскохозяйственных вопросах, общественному призрению, народному продовольствию, народному образованию, земской медицине и др.

Ключевые слова: земские собрания, журналы земских собраний, документ, протокол, постановление, доклад, отчет, смета, письмо, ходатайство, документальное наследие.

По "Положению о губернских и уездных земских учреждениях" 1864 г. (ст. 98) все земства были обязаны формировать постановления земских собраний в журналы очередных и внеочередных земских собраний¹. В огромном массиве документального наследия журналы земских собраний являются особенно значимыми, поскольку включают в себя официальную земскую документацию, которая наиболее полно и широко отразила основные проблемы, направления и итоги деятельности земств. Журналы и постановления губернских и уездных земских собраний подробно описывают каждое заседание любой очередной и внеочередной сессии. В журналах зафиксирован подробный ход обсуждения и решения каждого вопроса, обозначены особые мнения гласных. Ценность журналов и постановлений как сборника систем документов состоит в том, что к каждому из них имелись приложения, включающие доклады о работе различных отделов, комиссий собрания и управ. Журналы включили в себя все системы документов по земской деятельности (постановления очередных и чрезвычайных земских собраний, документы о ревизионных комиссиях, земских гласных, земских управах, совещательных органах при управах, ходатайства по любым земским вопросам, финансовые документы по земским финансам и зем-

скому имуществу (сметы и раскладки, взносы платежей, отчетные документы) и по счетоводству, земской натуральной и денежной повинности, документы об экономических и сельскохозяйственных вопросах, общественному призрению, народному продовольствию, народному образованию, земской медицине и др.).

Журналы до сих пор не являлись специальным объектом в изучении системы документационного обеспечения управления земского самоуправления. В этой связи целью исследования стал анализ создания, публикации и распространения ежегодных сборников документов - журналов губернских и уездных земских собраний для дальнейшего определения их роли в управленческой деятельности земских органов власти. Хронологическими рамками исследования взят период с 1864 по 1919 г.

Вопросы ведения, утверждения и публикации журналов обсуждались гласными уже на первых собраниях, сами журналы большинства земств были изданы уже по итогам первой сессии земского собрания. К 1866-1867 гг. журналы печатали почти все губернские земства и многие уездные земские собрания. Земства почти сразу признали печатание журналов своей прямой обязанностью; те постановления, которые еще не были опубликованными, сразу вышли едиными сбор-

никами журналов, где земства опубликовали итоги своей работы за один-три года и разместили организационно-распорядительные документы за обозначенный период. Позднее земские собрания выпускали свои журналы ежегодно, а затем частично повторяли публикации объединенными сборниками (например, сборники постановлений Острогжского уездного земства Воронежской губернии)².

Потребность в публикации и тиражировании журналов возрастала ежегодно. Изданные журналы попадали ко всем губернским и уездным гласным, в местные и столичные библиотеки, высшие и центральные государственные учреждения, соседние земства. Все журналы, перед тем как быть опубликованными, должны были пройти цензуру губернской власти, случаи применения которой имели место в начале земской деятельности. Земства неоднократно просили губернаторов снять предварительную цензуру с журналов, возложив всю ответственность на земские собрания, что всегда было воспринято губернаторами неудовлетворительно. В 1905 г. предварительная цензура на земские печатные материалы была полностью отменена.

Журналы, образовавшиеся в ходе деятельности земств, вполне можно охарактеризовать как существенный вклад в комплекс наук о человеке. Журнальное документальное наследие земского самоуправления представляет собой многоуровневые системы организационных, распорядительных информационно-справочных документов, изменения в которых появлялись при любом колебании земской деятельности, что привело к возникновению новых типов, видов, структур документов, порядков их движения.

В своем развитии журналы земских собраний прошли четыре этапа. Первый этап (1864-1870-е) связан со становлением самих земств, формированием их организационной структуры. В проблемных условиях работы земских собраний вопросы по составлению и публикации журналов неоднократно поднимались на различных собраниях уездных и губернских земств. Второй этап (1880-1890-е) включил период, когда специализированных земских структур по формированию и публикации журналов не существовало, а условия жесткой цензуры требовали к земским документам особого внимания. В 80-е гг. XIX в. земцы особо тщательно занимаются отбором документов (и формулировок в них) для публика-

ции в журналах. Третий этап (начало XX в. - 1917 г.) включил ослабление и окончательную отмену цензуры к земским журналам в 1905 г., это период расцвета всей публичной журнальной деятельности губернского и уездного земского делопроизводства. Четвертый этап (1917-1919) связан с введением земских учреждений в отдаленных территориях и введением мелкой земской единицы (волостного земства) Временным правительством в июне 1917 г. и переходом власти в ряде регионов к правительству Колчака, поддерживавшему всю земскую деятельность.

Начиная со времени введения земств основной задачей собраний явилось размещение в журналах распорядительных документов, которые на всем протяжении земской истории оставались на особом месте. Постановления печатались с прениями и высказываниями отдельных гласных по конкретным вопросам, что позволило сделать заключения о настроениях, царивших в том или ином собрании. Анализ распорядительных документов, опубликованных в журналах земских собраний, указывает на постоянное проведение дебатов по разным вопросам. Распорядительные документы земских собраний - образец документации сложного состава, где четко определяются самостоятельные разделы или части, различные по тематике, авторству, подходам к решению вопросов. Изучив распорядительную систему документации земских органов власти, определив социальный статус земцев, проанализировав биографии наиболее ярких представителей земского самоуправления, исследовав политическое настроение в стране и конкретном земском регионе, можно утверждать, насколько полно и разносторонне опубликованные материалы земских собраний отразили ход выработки решения и предварительного обсуждения вопросов.

Для опубликованных журналов земских собраний характерно значительное количество такого вида распорядительной документации, как протокол, обращение к которому объясняется его основным местом в общем комплексе опубликованной журнальной документации по причине объема и характера содержащейся информации. Журнальные протоколы и постановления земских собраний дают ряд сведений по истории политического движения земцев, поскольку стали основной формой фиксации обсуждения вопроса и принятого по нему решения. Ход заседания фиксировался более кратко в журнальной версии про-

токола³. В протоколах, найденных в архивных фондах, обсуждаемый вопрос излагался более подробно, отмечались точки зрения большинства и меньшинства, а также особые мнения, указывалось, какое суждение было утверждено в качестве решения. Журнальные протоколы разных земств различаются по степени подробности регистрации обсуждения. Так, наиболее подробны журнальные протоколы губернских земств, менее - уездных собраний.

О деятельности любого уездного земства можно получить исчерпывающие сведения, проанализировав именно журнальные протоколы земского собрания.

Особый интерес представляют обширные (от нескольких десятков до полутора тысяч страниц) отчеты в приложениях к журналам заседаний земских собраний, которыми снабжались многие издания. Общие отчеты о земском хозяйстве, составлявшиеся управами для ежегодного доклада очередному земскому собранию, касались самого широкого круга вопросов, находившихся в ведении земства⁴. Годовой отчет содержал информацию обо всей деятельности земства за минувший год. Здесь же перечислялись фамилии председателя и членов земской управы за отчетный период.

Помимо общих, существовали отчеты по основным направлениям деятельности: отчет о врачебной деятельности, отчет о развитии агрономической деятельности земства, отчет о народном образовании, отчет о ветеринарном деле, отчет о деятельности земских библиотек и другие. Отчеты различных учреждений, подведомственных земству, часто печатались отдельными брошюрами и шли как самостоятельное приложение к журналам земских собраний (например, отчеты агрономических организаций, кооперативов, землеустроительной, школьной, санитарной комиссий)⁵. Нередко отчетные доклады в журналах и их приложениях не имели индивидуального авторства⁶.

Далеко не все земства практиковали составление годовых отчетов в сводном виде, многие земские самоуправления ограничивались специальными, часто разрозненными докладами - сообщениями. В приложения включались индивидуальные отчетные доклады председателей земских управ, отдельных гласных, служащих и руководителей/специалистов (например, инспекторов народных училищ и заведующих отделами

народного образования в земских управах, агрономов)⁷.

Интересен такой вид письма в журналах, как благодарности, с которых обычно начинались журналы земских собраний. Вклад земства в развитие многих сторон общественной жизни был огромен, чего не могли отметить современники (например, высочайшая благодарность короля Сербии Екатеринославскому губернскому земству, благодарность бельгийского поверенного в делах г. Лекайль, благодарность помощника главнокомандующего Кавказской армией и др.)⁸. Такие приложения часто публиковались с реквизитами письма - наименование учреждения, справочные данные об учреждении, дата документа, регистрационный номер, адресат, заголовок к тексту письма, текст, подпись.

В 2005-2006 гг. учеными Пермского университета (С.И. Корниенко, Н.Н. Масленников, Д.В. Шабалина) была предпринята серьезная попытка создания информационной системы на основе баз и банков данных журналов земских собраний⁹. Нельзя не согласиться с вариантами подсчетов, которые были проведены исследователями по вопросу количества журналов земских собраний¹⁰. Журналы земских собраний являются частью национального достояния России, по этой причине идея их объединения в общую информационную систему вызывает только положительный интерес и одобрение.

Журналы дают возможность проследить последовательные изменения в делопроизводственных документах органов земского самоуправления дореволюционной России, они предоставляют богатый материал для разработки неисследованных теоретических проблем (например, изучения видовой эволюции делопроизводственных источников органов земского самоуправления). Изучение журналов земских собраний необходимо для познания исторических процессов, происходивших в системе российского местного самоуправления в период с 1864 по 1919 г. Формирование журналов, представляющее собой сочетание общего и особенного, что в свою очередь, может рассматриваться в качестве составляющей развития системы власти на местах, где ярко выраженной особенностью являлась определенная самостоятельность формирования земских документных комплексов в публикуемые журналы. Все это определило самобытные административные и культурные традиции в организации делопроизводства земского самоуправления.

¹ Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Полн. собр. законов. Собр. второе. Т. XXXIX. Отдел. первое. № 40457.

² Журналы Острогжского уездного земского собрания сессии 1898 года. Острогжск, Типография М.Ф. Азаровой, 1899; Журналы Острогжского уездного земского собрания сессии 1910 года. Острогжск, 1911; Сборник постановлений Острогжского уездного земства, 1865-1885 годы. Воронеж, 1885; Сборник постановлений Острогжского уездного земства, 1886-1906 годы. Воронеж, 1906; Сборник постановлений Острогжского уездного земства, 1906-1912 годы. Воронеж, 1912.

³ Рукописи протоколов заседаний губернского земского собрания хранятся в фонде губернского земского собрания // Государственный архив Вологодской области. Ф. 33. Д. 14.

⁴ См.: Отчеты Козьмодемьянской уездной земской управы за 1890-1891 годы. Казань, 1892; Отчет о действиях Тетюшской уездной земской управы и о состоянии земского хозяйства за время с 1 июля 1907 г. по 1 июля 1908 г. Казань, 1908; Отчет Повенецкой уездной земской управы с 1 января по 28 сентября 1877 г. // Журналы Повенецкого уездного земского собрания I очередной сессии (28 сентября по 6 октября) 1877 г., II чрезвычайного (21-22 декабря) 1877 года. Петрозаводск, 1878. С. 3-26.

⁵ См.: Отчет о деятельности уездного и участкового агрономов, кузнечно-слесарной мастерской и опытно-показательного поля Тетюшского уездного земства за время с 1 сентября 1910 г. по 1 сентября 1911 г. Тетюши, 1911; Агрономические мероприятия Козьмодемьянского земства за 1911-1912 гг. Козьмодемьянск, 1912.

⁶ Доклад Борисоглебской уездной земской управы об устройстве при съезде мировых судей архива об

учреждении должности архивариуса и об увеличении канцелярских средств съезда // Журналы очередного Борисоглебского уездного земского собрания сентябрьской и октябрьской сессий 1875 года. Приложение № 26. Тамбов, 1876. С. 125-127.

⁷ См.: Национальный архив Республики Карелия. Олонецкая губернская управа Ф. 10. ДД. 18-26; Петро-заводская уездная земская управа Ф. 14. ДД. 11, 24, 27; Отчет инструктора молочного хозяйства К.Х. Риффесталь Ярославскому губернскому земству по организации артельных маслоделен и в частности артелей Вологодской губернии. Ярославль, 1902; Отчет инструктора молочного хозяйства для северных губерний Риффесталь К.Х. Вологда, 1903; Отчет районного специалиста по молочному хозяйству К.Х. Риффесталь Вологодскому губернскому земскому собранию. Вологда, 1913.

⁸ Журналы Екатеринославского губернского земского собрания 49 очередной сессии 1914 г. с приложениями. Екатеринослав. Тип. губернского земства, 1915. С. 5-114.

⁹ Корниенко С.И., Масленников Н.Н., Шабалина Д.В. Журналы земских собраний как источник изучения истории местного самоуправления в России (II половина XIX - начало XX века). Информационная система (РФФИ, № 04-07-90283-в, 2005-2006 гг.) // Официальный сайт Лаборатории исторической и политической информатики Пермского университета. URL: <https://sites.google.com/site/histlab/staff/kornienko>.

¹⁰ Корниенко С.И., Масленников Н.Н., Шабалина Д.В. Журналы земских собраний: проблемы создания информационной системы // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики: тр. IX конф. Ассоциации "История и компьютер". М.; Барнаул, 2005. С. 158.

Поступила в редакцию 03.11.2013 г.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ РЕЖИМОВ

© 2013 Дыба Максим Александрович

Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина

123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

E-mail: onwardtoparadise@mail.ru

В действующем налоговом законодательстве отсутствует определение специального налогового режима. В статье на основе имеющихся наработок в области финансового права, а также истории налогообложения в России в XX в. дается исследуемому понятию свое определение. Дефиниция специального налогового режима с учетом налоговых практик прошлого позволяет по-новому взглянуть на налоговое законодательство XX в., а также дает возможность альтернативного толкования налоговых практик в будущем.

Ключевые слова: специальный налоговый режим, история налогообложения, определение понятия.

В настоящей статье рассматриваются понятие и исторические предпосылки возникновения специального налогового режима. Актуальность данного вопроса подтверждается отсутствием в действующем законодательстве определения понятия специального налогового режима, что приводит к невозможности его однозначного толкования.

В рамках реформирования налоговой системы 2012-2014 гг. продолжается изменение действующего законодательства, касающегося специальных налоговых режимов: введено на легальном уровне налогообложение на основе патента, запланирован отказ от ЕНВД в 2014 г.

Как было отмечено президентом Дмитрием Медведевым 29 июня 2011 г. в Бюджетном послании на 2012-2014 гг.; «российская налоговая система должна отвечать современным вызовам в условиях глобализации экономики. Она не должна быть слишком обременительной для общества и, конечно, должна способствовать развитию России... Необходимо повысить стимулирующую и фискальную функцию налогов... Одновременно требуется... расширение патентной системы налогообложения малого предпринимательства».

Поступательное развитие в любой отрасли невозможно без учета позитивного опыта и ошибок прошлого. Поэтому в контексте специальных налоговых режимов необходимо рассмотреть их аналоги в отечественной истории, экономические и политические предпосылки их возникновения и применения. Данный вопрос малоизучен и представляет интерес для перспективного развития рассматриваемого налогового явления.

Согласно Налоговому кодексу Российской Федерации специальный налоговый режим предусматривает особый порядок определения элементов налогообложения, а также освобождение от обязанности по уплате отдельных налогов и сборов¹.

Как мы видим, дефиниция носит «открытый» характер. Из этого следует, что специальный налоговый режим может предусматривать некоторые особенности определения элементов налога. Непосредственно законодатель определяет, относится та или иная налоговая практика к специальному налоговому режиму или нет. Представленные в Налоговом кодексе критерии дают возможность широкого толкования данного правового явления. Определение специального налогового режима в законе отсутствует.

Для того чтобы понять, как и с какой целью возникли специальные налоговые режимы, необходимо:

- 1) сформулировать их четкое определение.
- 2) рассмотреть причины возникновения правовых явлений, подпадающих под данное определение.

Разберем словосочетание «специальный налоговый режим», исходя из системно-элементного подхода на составные части.

Начнем с понятия «режим». В данном контексте это слово отсылает нас к словосочетанию «правовой режим». В качестве определения понятия будем придерживаться следующего: это особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное

состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права. Данное определение было изложено Н.И. Матузовым и А.В. Малько в статье 1996 г. “Правовые режимы: Вопросы теории и практики”².

Основные признаки правовых режимов, согласно мнению ученых, состоят в том, что они: 1) устанавливаются в законодательстве и обеспечиваются государством; 2) имеют целью специфическим образом регламентировать конкретные области общественных отношений, выделяя во временных и пространственных границах те или иные субъекты и объекты права; 3) представляют собой особый порядок правового регулирования, состоящий из юридических средств и характеризующийся определенным их сочетанием; 4) создают конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов отдельных субъектов права.

Правовой режим обусловлен, прежде всего, интересами государства, волей законодателя, а также спецификой и характером общественных отношений, требующих к себе особых подходов, форм и методов правового опосредования, своеобразного юридического инструментария для своей организации. То есть правовой режим - это инструментарий для достижения государством своих целей, штатных или нештатных. Очевидно, что инструментарий будет варьироваться от одной цели к другой.

Следующий элемент “налоговый”. Предметом регулирования налогового права являются общественные отношения, складывающиеся между государством в лице его специально уполномоченных органов и налогоплательщиками в процессе установления, введения в действие налоговых платежей, налогового контроля и ответственности за налоговые правонарушения.

Метод правового регулирования налогового права императивный (так как налоговое право является публичным правом), но с элементами ограниченной диспозитивности³.

Налоговый кодекс определяет понятие налога как обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения дея-

тельности государства и (или) муниципальных образований⁴.

Немаловажным в контексте настоящей статьи будет озвучить определение налога, сформулированное С.Г. Пепеляевым⁵: налог следует рассматривать как средство упорядочения финансовых отношений налогоплательщика и государства. Налогоплательщику он указывает меру его обязанности, а государственному налоговому органу - меру дозволенных действий. Принудительный характер налога не мешает рассматривать налог как способ защиты частной собственности от незаконных притязаний казны и ее агентов, как средство поддержания баланса прав и законных интересов граждан и их объединений, с одной стороны, общества и государства как выразителя интересов общества - с другой.

Таким образом, конечной целью инструмента для изъятия платежей у налогоплательщиков - налогового режима - является финансирование деятельности государства и муниципальных образований, но с учетом интересов налогоплательщика. Это подчеркивает паритетность интересов управляющей и управляемой систем.

Исходя из вышеизложенного очевидно, что налог служит жизненно важным механизмом, обеспечивающим надлежащее функционирование государства.

Стоит отметить, что идея финансов (и налогов, в частности) как инструмента управления государством не является новой в мире отечественной юридической науки. Профессор О.Н. Горбунова, а также профессор Е.М. Ашмарина в своих работах (в том числе совместных) исследовали концепцию системы прямых и обратных связей в сфере финансов⁶.

Все системы разделяют на управляющие и управляемые, т.е. на субъект и объект управления. В контексте финансового права государство является управляющей системой, которая определяет тактику и стратегию развития посредством государственных институтов, нормативно-правовых актов и финансовой деятельности. Управляемой системой в широком смысле является общество, субъекты предпринимательства, а также хозяйственная деятельность государства. То есть государство с помощью налоговых стимулов побуждает с помощью хозяйствующих субъектов осуществлять те варианты развития их деятельности, которые удовлетворяют общественные потребности на данном этапе развития⁷.

Ключевыми факторами эффективного управления системой в данном случае выступают: мониторинг и анализ обратной связи; регулирование обратной связи таким образом, чтобы она не причиняла вреда государству; минимизация временных затрат на апробацию и построение прямых и обратных связей, адаптированных под условия чрезвычайной ситуации⁸.

Отсутствие контроля, управления и анализа обратных связей ведет к дестабилизации управляющей системы и кризису государственного управления. То есть фундаментальным показателем эффективности системы прямых и обратных связей является поступательное развитие с сохранением общей «устойчивости».

Но в случае масштабных чрезвычайных ситуаций государству следует прибегнуть к соответствующим мерам реагирования, которые частично расходятся с паритетностью интересов государства и налогоплательщика в «мирное» время. Об этой особенности будет сказано в дальнейшем на примере исторического опыта.

Остался последний элемент - слово «специальный». Толковый словарь Ушакова определяет это слово как «особый, отдельный, не общий». Можно предположить, что данный элемент рассматриваемого термина указывает на то, что цели данного правового инструмента могут быть значительно шире и разнообразней, чем у налога в рамках общего режима налогообложения.

Стабильное развитие законодательства возможно при стабилизации экономики, общественных отношений, внешне- и внутривнутриполитической жизни. Кризисным периодам истории свойственны чрезвычайные решения, выходящие за рамки устоявшихся на тот момент регуляторов общественных отношений.

Вывод: все три элемента изучаемого термина образуют единое определение: *специальный налоговый режим - это правовой инструмент, используемый для особых целей, имеющих временные и пространственные границы, касающийся взимания денежных средств с организаций и физических лиц в форме отчуждения, создающий благоприятные или неблагоприятные последствия для отдельных категорий налогоплательщиков.*

Сформулированное определение подкрепим конкретными примерами из истории отечественного налогового законодательства в период с 1917 по 1991 г. В истории нашей страны XX в. отлича-

ется нестабильностью, значительным количеством кризисных ситуаций и радикальных подходов к их решению, в том числе и со стороны налогообложения.

После революции 1917 г. первые советские налоги не имели большого фискального значения и носили ярко выраженный характер классово-борьбы, так как в тот период времени перед советским государством остро стоял вопрос самосохранения во враждебных условиях.

Декретом ВЦИК и СНК от 30 октября 1918 г. был введен единовременный чрезвычайный десятиллиардный революционный налог, которым были обложены городская буржуазия и кулачество⁹. Поступления от этого сбора зачислялись в фонд обеспечения семей красноармейцев. Плательщиками сбора являлись владельцы частных торгово-промышленных предприятий, имевших наемных рабочих и работниц. Размер сбора определялся на основании расчета и данных ведомости установленной формы. Декретом предусматривалась повышенная ответственность плательщика за правильность определения суммы сбора и своевременность перечисления ее в бюджет. Налог был введен с целью «изъять у паразитических и контрреволюционных элементов денежные средства и обратить их на неотложные нужды революционного строительства и оборону страны»¹⁰. Этот налог взимался по раскладочной системе: общая сумма налога раскладывалась по губерниям, городам, уездам и волостям, а затем - по плательщикам. Согласно декрету эта раскладка должна была «производиться таким образом, чтобы всей своей тяжестью налог пал бы на богатую часть городского населения и богатых крестьян». Городская и деревенская беднота полностью освобождалась от уплаты налога, средние слои населения облагались по невысоким ставкам.

9 мая 1918 г. ВЦИК был издан декрет «О предоставлении Наркомпроду чрезвычайных полномочий» для борьбы с продовольственным кризисом¹¹. Названный документ призывал к беспощадной борьбе с кулацкими хозяйствами, устанавливал срок тюремного заключения не менее 10 лет для лиц, отказывавшихся вывозить хлеб на сыпные пункты, а также предоставлявший Наркомпроду право применять вооруженную силу в случае оказания противодействия сбору хлеба или иных продовольственных продуктов.

Наделение Наркомпрода чрезвычайными полномочиями и реализация продовольственной

разверстки были спровоцированы тем, что к 1918 г. производящие сельскохозяйственную продукцию регионы были или отрезаны, или находились под контролем враждебных Советской России сил. Обозначенная налоговая практика имела оперативное значение, связанное с выживанием Советской власти в России, и была свернута после того, как экономико-политическую ситуацию удалось нормализовать.

Начавшийся в 1921 г. период новой экономической политики характеризовался отказом от некоторых чрезвычайных налогов, была свернута система продовольственной разверстки, ее место занял продовольственный налог. Также в этот период государство на некоторое время ослабило налоговое бремя для частного бизнеса в виде промыслового налога, который был первым в XX в. прообразом современных специальных налоговых режимов (а именно: патентное налогообложение, налог на вмененный доход). Предпринимателям, уплачивавшим промысловый налог, обеспечивалось право беспрепятственного производства торговли или промысла.

По мнению автора, все перечисленные налоги были направлены не только на финансирование деятельности государства, но и на подавление возможных контрреволюционных социальных групп и последующее восстановление экономики.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что чрезвычайные фискальные меры в начале становления послереволюционной Советской России соотносятся с предложенным выше определением понятия “специальный налоговый режим”.

В период первой “пяtilетки” индустриализации с 1929 по 1933 г. началась налоговая реформа сокращения общего количества налогов. Данные преобразования осуществлялись в рамках реформы в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 2 сентября 1930 г.¹²

В рамках данной реформы необходимо особенно выделить подоходный налог.

Подоходный налог с частных лиц являлся основным платежом для частного сектора в городе. Подоходный налог имел прогрессивную шкалу ставок, с одной стороны, и дифференциацию этих ставок по классовому признаку - с другой.

От уплаты указанного налога освобождались следующие категории граждан Советской России: военнослужащие; лица, награжденные орденами

Союза; герои труда, пенсионеры и пр. Наибольшими льготами по данному налогу из числа плательщиков, привлеченных к налогу, обладали рабочие и служащие, которые платили налог месячными окладами по заработку за данный месяц.

Перечисленные категории налогоплательщиков обладали повышенным размером необлагаемого минимума, и в их отношении действовали пониженные ставки налога. Прочие плательщики подоходного налога разделялись по социальному признаку. Для этих групп населения были установлены как различные размеры необлагаемого минимума доходов, так и различные ставки. Государство, таким образом, давало гражданам понять, в каких профессиях СССР был экономически заинтересован, что, в свою очередь, по смыслу пересекается с реализацией индустриализации в форсированном темпе¹³.

Подобное использование исключительных налоговых инструментов было обусловлено не только экономическими, но и геополитическими условиями, так как в Европе начинался стабильный рост антикоммунистических настроений, с которыми нашей стране пришлось столкнуться в скором времени.

По окончании кризисных периодов, со стабилизацией экономической и политической обстановки приходит постепенный отказ от исключительных фискальных мер в пользу равных условий для всех налогоплательщиков. Это подтверждают посткризисные периоды советской истории.

После окончания Великой Отечественной войны снижался классовый характер в подоходном налогообложении физических лиц. Военнослужащие были уравнианы в налоговых правах с рабочими и служащими. Граждане, занимавшиеся индивидуальной трудовой деятельностью, были в значительной части налогового бремени приравнены к рабочим и служащим. Это налоговое послабление было первым шагом к восстановлению индивидуального предпринимательства в нашей стране, пресеченного государством в 1930-е гг.

На основании вышеизложенного можно сделать заключение о том, что причинами возникновения специальных налоговых режимов являются острые социально-экономические потрясения. Перечисленные фискальные меры могут включать в себя (но не ограничиваются ими) декриминализацию тех или иных аспектов экономической жизни общества, подавление отдельных социальных групп путем изъятия денежных средств и ресурсов, из-

менения состава общества с помощью предоставления особых налоговых послаблений социальным группам, в численности которых государство было заинтересовано в конкретный период времени.

Вывод: социально-экономические факторы оказывают непосредственное влияние на налоговую стратегию и тактику государства в части, касающейся режимов налогообложения. При возникновении обратной связи деструктивного характера, угрожающей гибелью управляющей и управляемой системам, государство целенаправленно прибегает к помощи инструментов управляемой дестабилизации, т.е. посредством особого правового порядка создаются благоприятные условия исключительно для тех структурных единиц управляемой системы, которые необходимы для устранения образовавшейся негативной обратной связи и которые, в свою очередь, могут негативно влиять на остальные структурные элементы управляемой системы.

Подобные явления в налоговом законодательстве нашей страны возникали на протяжении всего XX в. Таким образом, современные специальные налоговые режимы не являются новацией отечественного налогового законодательства. Более того, в отношении ряда налоговых практик (патентное налогообложение, уплата налогов на вмененный доход) прослеживается правопреемственность, что подтверждает жизнеспособность этих налоговых практик, а также дает пищу для размышления в контексте отмены некоторых из них и позволяет оценивать фискальные меры будущего с позиции специальных налоговых режимов XX в.

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации. Ст. 18 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. 7 авг. (№ 32).

² Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: Вопросы теории и практики // Правоведение. СПб., 1996. № 1. С. 16-29.

³ Ашмарина Е.М. Некоторые особенности правового регулирования налоговой деятельности // Вопросы экономики и права. 2013. № 4. С. 23.

⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации. Ст. 8.

⁵ Пепеляев С.Г. Основы налогового права: учеб.-метод. пособ. / под ред. С.Г. Пепеляева, М., 2000. С. 19.

⁶ Ашмарина Е.М. Совершенствование системы налогов, взимаемых с юридических лиц, как условие успешного выполнения доходной части бюджетов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 16 - 23; Ашмарина Е.М., Горбунова О.Н. Роль финансового права в совершенствовании управления современной России (интеллектуальный проект) // Lex Russica. 2007. № 2. С. 266.

⁷ Лайченкова Н.Н. Теоретико-правовые основы регулирования поощрений как вида налоговых стимулов // Вопросы экономики и права. 2009. № 8. С. 19.

⁸ Пилипенко З.А. Глобальные финансовые шоки в системе факторов развития мировой экономики // Вопросы экономики и права. 2010. № 12. С. 205.

⁹ Налоги и налоговое право: учеб. пособие / под ред. А.В. Брызгалина. М., 1998. С. 21.

¹⁰ Толкушкин А.В. История налогов в России. М., 2001. С. 198.

¹¹ О предоставлении Наркомпроду чрезвычайных полномочий: декрет ВЦИК // Собр. узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 35. С. 437-438.

¹² О налоговой реформе: постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 2 сент. 1930 г. // Собр. законодательства СССР. 1930. № 46.

¹³ О введении в действие положения о государственном подоходном налоге: постановление ЦИК СНК Союза ССР от 24 сент. 1926 г. // Систематическое собр. действующих законов СССР. Кн. третья. М., 1927.

Поступила в редакцию 03.11.2013 г.

СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИЙ “ВОЛЯ” И “ПРАВОПРЕЕМСТВО” В ПРИОБРЕТЕНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

© 2013 Даглас Харт Ричард

Казанский (Приволжский) федеральный университет

420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

E-mail: mail@tsobc.ru

Рассмотрены различные подходы к определению категорий “воля” и “правопреемство” в приобретении права собственности коммерческой организацией; проанализированы теоретические и методологические основы категории воли в теоретическом и практическом аспекте приобретения права собственности; выделены теоретические аспекты воли в правопреемстве и в правоприменении; определена философская проблематика и последующая тенденция развития концепции воли.

Ключевые слова: концепция воли в праве, специфика воли в праве, определение воли в праве, право собственности и воля, правопреемство и воля, правоприменение и воля, приобретение права собственности.

Теоретический анализ правового и философского аспекта воли и правопреемства в гражданско-правовых отношениях, связанных с приобретением права собственности в российской законодательной системе и системе гражданского судопроизводства, варьируется в теоретической доктрине цивилистики от мнения к мнению. Выяснение специфики воли и волеизъявления участников гражданского оборота, а в особенности такой специфики, возникающей у юридического лица, носит актуальный и проблематический характер в формально-юридическом аспекте определения и научной трактовке отрасли.

Правовая специфика субъективности и объективности правоприменения, отчуждения и вменения в волевом намерении и акте гражданского оборота трактуется в отрасли права и в философии права неоднозначно, в связи с чем предлагается своеобразный подход к разработке межотраслевой категории “воля” для более корректной трактовки правоспособности в принятии решения в процессе приобретения права собственности той или иной организацией, а также трактовка так называемого пробела в научной и мировой цивилистике о “корпоративной вменяемости”.

Значительный вклад в разработку проблемы классификации способов приобретения права собственности внесли А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой, Е.А. Суханов, А.В. Трофименко, Х.В. Сепп и др.

Проблемам волеизъявления в гражданском праве посвящены научные труды таких известных ученых, как Б.Б. Черепахин, Д.М. Генкин,

П.П. Цитович, О.С. Иоффе, Г.Ф. Шершеневич, В.П. Камышанский, К.И. Скловский, И.А. Покровский, В.А. Рясенцев, К.А. Граве, В.П. Грибанов, О.А. Красавчиков, Р.О. Халфина и др.

Цель данной статьи - рассмотреть условия и связи категории “волеизъявление” в приобретении права собственности коммерческой организацией.

Задачи статьи:

- осуществить обзор научных подходов к определению понятия “воля” и “правопреемство” в приобретении права собственности;

- проанализировать теоретические и методологические основы формирования волеизъявления в приобретении права собственности коммерческой организацией;

- дифференцировать вещно-обязательственную и волевою основу приобретения права собственности коммерческой организацией.

Концепция воли в научно-правовой доктрине российской цивилистики и в праве в целом в своем соотношении есть смешение понятий философии права и межотраслевой трактовки самого волевого правоприменения при осуществлении того или иного правового действия.

Тенденция развития гражданского законодательства заключается в симплификации группировок категорий философии, сводя правоприменение к более простым формам, что есть положительное право, так как право и философия взаимосвязаны.

Задачи исследования категоризации проблем воли и волеизъявления в гражданском пра-

ве рассматриваются многими авторами как основной мотив определения природы юридических отношений в целом¹.

Само юридическое отношение, согласно Г.Ф. Шершеневичу, определено нормами объективного права². Тем не менее волевое правоприменение и волевое правоотношение есть отражение субъективного права по общим правилам логики. Однако субъективность права, определенная как индивидуальная свобода натурального права, не имеет значимости в материальном праве Маркса - Энгельса, где воля есть отражение лишь материального состояния класса³, и в силу традиционности такое право “относительно, его содержание создается отчасти изменчивыми экономическими и социальными условиями”⁴.

Возьмем, к примеру, экономическую категорию права Е.А. Суханова, которая имеет отражение в сегодняшнем законодательстве о развитии гражданского права и в Концепции в целом. Более того, экономическая категория права, по Е.А. Суханову, с точки зрения некоторых авторов, является исключительным правовым комплексом на владение, пользование и распоряжение⁵. То есть в данном случае мы не учитываем моментов категорий “воля” и “свобода”, но мы определяем классификацию и возникновение права собственности лишь на основании физического момента присвоения, в результате сделки, а не на основании его намерения.

Проблематика в развитии теории гражданского права сводится к завуалированности категории воли от категории экономических отношений такого права либо путем в корне неверного смещения термина “воля” с понятием нравственности индивида.

Философия права Гегеля дает исчерпывающее определение воли в праве: “This consciously free will has a universal side, which consists in a formal, simple and pure reference to itself as a separate and independent unit. This reference is also a self-conscious one though it has no further content. The subject is thus so far a person”⁶.

Персонализация воли, по Гегелю, ставит вопрос о том, что сегодняшняя деперсонализация воли, т.е. трактовка воли не как качества (“часть”) самого физического лица, а лишь категории, сводит тенденцию в гражданском праве к приравнению всех лиц, как юридических, так и физических, к общей группе - участников гражданско-правового оборота.

Категорию воли при трактовке мотивационной деятельности юридического лица следует рассматривать как отношение субъекта права к объекту права.

Категории воли и волеизъявления и составляют ту самую методологию применения приобретения права собственности, что по сути есть “чистая” философия права. В отличие от межотраслевой значимости применения права, применение воли носит теоретически и абстрактный характер, тем не менее присутствие данной волевой структуры является методом такого применения, что логически означает применение абстракции в межотраслевом праве в целом.

Приобретение права как применение права есть применение абстракции воли, что далее рассматривается как методология применения права. Право на приобретение права собственности имеет любое лицо, как физическое, так и юридическое, за исключением случаев отсутствия вменяемости того или иного лица и иных исключений согласно законодательству РФ.

Говоря о правопреемстве в приобретении права собственности как виде приобретения права собственности, по Б.Б. Черепяхину⁷, не всегда можно определить мотивационное намерение приобретения. Тем более, что волевой момент присутствует также и в правопреемстве.

Наследство собственности, к примеру, как правопреемство неоспоримо, так как происходит “передача” воли одного лица к другому, в результате которого право лица наследодателя принимается получателем. Тогда как приобретение права собственности, к примеру, коммерческой организацией по закупке товаров из коммерческих договоров или же приобретение доли вклада участников акционерного общества в резервный капитал ОАО носит характер сделки, что, по сути, есть обязательственный характер. Правопреемство должно истекать из воли субъекта для определения правомерности действия гражданского оборота, а не из обязательств и материального обеспечения права, что классифицируется как экономическая категория гражданского права.

Возвращение к принципу воли как мотивирующему и устанавливающему началу имеет смысл в ходе отождествления намерения с действием, или мышления с действием, так как “невозможно обладать волей без интеллекта, но и невозможно мыслить без воли, ибо мысль есть деятельность”⁸.

Принцип воли в правопреемстве играет решающую роль, так как в случае игнорирования категории “воля” в праве институт правопреемства будет иметь характер лишь коммерческого приобретения (из сделок). Из этого выходит, что основой правопреемства является воля, тогда как основой приобретения права собственности - факты.

Правопреемство есть “пассивное”, одностороннее принятие волеизъявления, тогда как приобретение - двухстороннее волеизъявление сторон, основанное на целесообразности факта - экономических отношениях.

Отчуждение как вид волеизъявления не служит основанием для приобретения права собственности, так как отчуждение не есть волеизъявление на приобретение экономической выгоды. Продажа вещи или же передача (уступка) права есть волеизъявление о фактах и на фактах для обеих сторон.

Схожее положение о двухстороннем волеизъявлении из сделок отмечено в работах К.П. Победоносцева: “Такова сделка, вследствие коей одна сторона, по предварительному соглашению с другой стороной, передает ей имущество. Здесь обе воли относятся одна к другой деятельно”⁹, который, в частности, в “Курсе гражданского права” дал дефиницию пассивности воли при правопреемственности наследования.

Объективность приобретения права собственности также прослеживается в учениях Г.Ф. Шершеневича: “Способом приобретения собственности называется такой юридический факт, с которым по взгляду объективного права соединяется установление права собственности в лице данного субъекта”¹⁰.

Исходя из научных подходов и эволюции трактовки приобретения права собственности в российской цивилистике, приобретение прав собственности можно трактовать как институт объективного правоприменения, тогда как правопреемство - субъективного.

Объективность правоприменения основана на фактах реализации сделок, тогда как субъективная сторона есть волевая сторона по отчуждению.

Важность разделения категорий приобретения собственности на первоначальные и производные заключается в классификации правоприменения к той или иной группе. Например, при создании новой вещи важно установить момент ее создания, лицо, создавшее такую вещь, и цель

(для личного пользования) для привязки права к факту. В производных основаниях, помимо фактического критерия (например, факт передачи вещи), необходимо встречное волеизъявление стороны на осуществление права (покупка, принятие, продажа, уступка собственности).

Определение права собственности, исходящее из воззрения марксистско-ленинской теории, в классической цивилистике особо выражено утверждением А.В. Венедиктова о том, что приобретение права собственности есть право присвоения, а отношения, основанные на связи с собственностью, - отношения производственные¹¹.

Тенденцию определения и правовой спецификации самого права собственности в цивилистической теории, как в классической, так и в современной, можно выразить положением В.П. Грибанова. “Каковы бы ни были результаты попыток дать <общее определение> права собственности, из приведенных определений с очевидностью вытекает один вывод: их авторы кладут в основу определения института права собственности отношения по владению, пользованию и распоряжению имуществом, связывают институт права собственности только с регулированием этих общественных отношений”¹².

В качестве вывода волевой категории правопреемства мы полагаем заключить нижеследующее: приобретение права собственности в результате правопреемства как следствия распада предшествующей воли есть процесс “пассивного приобретения”, но само правопреемство не есть приобретение. Тогда как само приобретение права собственности в ее чистом виде есть сделка, основанная на факте передачи вещи либо ее изготовления, что, по сути, оправдывает теории советских классиков гражданского права в объективном присвоении в производственных отношениях (сегодня - в рыночных).

Однако развитие цивилистической теории права собственности от классового присвоения до субъективного правоприменения не имеет четкого разграничения категории “волеизъявление” в сегодняшней доктрине права. В силу философской природы самой категории воли необходимо уяснить направление концепции развития гражданского законодательства, в которой субъективное правоприменение трактуется как волевое действие в условиях рыночных отношений.

Двойственность понятия “волеизъявление”, а также различия в понятиях “приобретение” и

“правопреемство” права собственности в исследовании правовой природы приобретения права собственности приводят нас к выводу о необходимости исследования логического (объективного) ресурса приобретения такого права - нормативно-правовых актов приобретения права собственности.

Таким образом, в результате правового исследования категории “воля” в приобретении права собственности как коммерческими организациями, так и физическими лицами в целом, автором данного исследования было выявлено нижеследующее: присутствие правовой и логической сопоставимости категорий “воля” и “правопреемство” в приобретении права собственности; категоризация приобретения права как мотивационного намерения юридического лица и, следовательно, трактовка намерения как категории воли в логическом методе, присущей физическим лицам.

В общеправовом методе приобретения права собственности коммерческой организацией такого разграничения нет, что указывает на раздвоение толкования воли для физических и юридических лиц. Тем не менее правоприменение производится по общеустановленной схеме общего (универсального) правоприменения, что приравнивает коммерческую организацию к человеческой природе, т.е. к психической. Такое положение в праве обременительно, в связи с чем следует прибегать к применению метода аналогии воли с логической формулировкой “намерения лица” и “намерения организации”, чтобы упростить практическое и судебное правоприменение.

Применение метода аналогии воли путем абстрагирования универсального понятия и возложения коррекции мотивации предполагает частно-правовой характер правоприменения в той или иной ситуации приобретения права собственности. Доступ коммерческой организации к универсальному правопреемству и универсальной воле должен быть закрыт, чтобы не смешиваться в понятиях “намерения” и “интерес”.

Наличие имущества и волевого аспекта для определения и перераспределения такого имуще-

ства выясняет объект и субъект изучения права собственности данного исследования. Определение же отношения объекта к субъекту приобретения права собственности методом определения волевой компетенции приобретения права собственности данного субъекта (лица) и составляет особенность приобретения права собственности коммерческой организации в целом.

Особенность гражданского правоприменения в приобретении права собственности заключается в том, что законодателем оно (правоприменение) трактуется универсально, а в судебно- и научно-правовой практике - как частно-правовой случай, что свидетельствует о том, что трактовка воли в общей концепции развития гражданского законодательства России должна быть пересмотрена и изучена основательно.

¹ *Политова И.П.* О задачах исследования понятий “воля” и “волеизъявление” в цивилистике // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия “Право”. 2012. № 1 (11). С. 99.

² *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Вып. третий. М., 1912. С. 568.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 498.

⁴ *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права: хрестоматия: учеб. пособие. М., 1998. С. 397.

⁵ *Лопашенко Н.А.* Посягательства на собственность: монография. М., 2012.

⁶ *Hegel G.W.F.* Philosophy of Right / translated by S.W. Dyde. Batoche Books / Kitchener, Canada. 2001. P. 52.

⁷ *Черепяхин Б.Б.* Правопреемство по советскому гражданскому праву. М., 1962. С. 13.

⁸ *Братусь С.Н.* Юридические лица в советском гражданском праве (Понятие, виды, государственные юридические лица). М., 1947. С. 12.

⁹ *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М., 2002. (Классика российской цивилистики).

¹⁰ *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 1. М., 2005. (Классика российской цивилистики.) С. 299.

¹¹ *Венедиктов А.В.* Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 36.

¹² К вопросу о понятии права собственности см.: *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2-е, стереотип. М., 2001. (Классика российской цивилистики).

Поступила в редакцию 06.11.2013 г.

ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКАХ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ЛИЦА, НЕ ДОСТИГШЕГО ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА, В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

© 2013 Строков Алексей Александрович
декан юридического факультета
Московский университет им. С.Ю. Витте в г. Нижний Новгород
603093, г. Нижний Новгород, ул. Усилова, д. 3/3
E-mail: strokoff@list.ru

Рассматриваются объективные признаки ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, дается краткий анализ Постановления Верховного суда Российской Федерации применительно к указанной выше норме, а также предлагаются к рассмотрению аргументированно обоснованные изменения в законодательстве.

Ключевые слова: несовершеннолетие, состав преступления, признаки.

Преступление против несовершеннолетних представляет собой общественно-опасное посягательство, которое непосредственно нарушает общественные отношения, обеспечивающие нормальное физическое, интеллектуальное и нравственное воспитание несовершеннолетних¹.

Вовлечение (побуждение, привлечение к участию в чем-либо)² несовершеннолетних в совершение преступления - наиболее распространенное преступление в отношении них. Опасность привлечения несовершеннолетнего к преступной деятельности состоит в том, что это отражается на его психике, влияя на естественный ход воспитания несовершеннолетнего.

Одним из элементов состава любого преступления является объект преступления. Он в большей степени, чем другие элементы состава, определяет социально-политическое содержание преступления, имеет огромное значение для характеристики других элементов состава.

Родовым объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие развитие личности (ст. 150 УК РФ входит в разд. VII "Преступления против личности").

Видовым объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, исходя из того, что данный состав входит в гл. 20 "Преступления против семьи и несовершеннолетних", выступают общественные отношения, обеспечивающие как материальные, так и нематериальные условия для нормального физического, интеллектуального и нравственного формирования

личности несовершеннолетнего, а также нормальное существование несовершеннолетних, но нетрудоспособных детей и нетрудоспособных родителей.

Непосредственным объектом данного преступления являются условия нормального развития и правильного нравственного воспитания несовершеннолетних. Дополнительный непосредственный объект может охватывать здоровье несовершеннолетнего (ч. 3 ст. 150 УК РФ).

По нашему мнению, в качестве непосредственного объекта преступного посягательства при вовлечении несовершеннолетних в совершение преступления, охраняемого уголовным законом, следует рассматривать интересы гармоничного развития и правильного воспитания несовершеннолетних, т.е. их нравственное, умственное и физическое развитие. Такое определение непосредственного объекта вовлечения в преступление наиболее полно отвечает содержанию и направленности уголовного закона об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления.

Потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, являются лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста. Поскольку потерпевший выступает субъектом общественных отношений, на которые посягает преступник (вовлекатель), постольку сам потерпевший (вовлекаемый), как обладатель охраняемого уголовным законодательством блага, определяет направленность преступления, т.е. его объект. Следовательно, мы считаем, что рас-

считать потерпевшего в данном случае как лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста, в рамках объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, вполне оправданно.

Нами предложено введение в УК РФ гл. 3¹ “Лица, потерпевшие от преступных деяний”, где рассмотрены: признаки потерпевшего в уголовном праве, возрастные границы, компенсация морального вреда и возмещение имущественного ущерба потерпевшему лицу в результате совершенного преступления.

Мы предлагаем ввести в УК РФ ст. 18¹ “Потерпевший” с трактовкой в следующей редакции: “Потерпевшим признается лицо, права и интересы которого были нарушены совершенным в отношении него преступлением, предусмотренным соответствующими статьями настоящего Кодекса”.

В УК РФ отсутствует определение понятия “потерпевший”, хотя этот термин, как установлено нами, используется в 10 % от общего числа статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Установление понятия личности потерпевшего в УК РФ - это не только теоретическая, но и практическая задача, так как потерпевший является субъектом и носителем общественных отношений. Потерпевший как личность, интересы которой были нарушены в результате совершения преступного деяния, в теории уголовного права занимает важнейшее место. Подобный подход к определению места потерпевшего основывается на приоритетной системе ценностей, находящихся под уголовно-правовой охраной.

Проведенное нами исследование уголовных дел, рассмотренных судами Республики Мордовия и Нижегородской области, показывает, что потерпевшими в рассматриваемой статье являются не только несовершеннолетние, но и лица, которые еще не достигли возраста уголовной ответственности. Это обуславливает необходимость рассмотреть в УК РФ градацию возраста потерпевшего лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, с введением в Общую часть УК РФ ст. 18² “Возрастные границы” в УК РФ:

“Новорожденными признаются лица от рождения до года, то есть лица, которые на момент совершения в отношении них противоправных действий, родились, но им не исполнился один год.

Ребенком признается лицо от года до шести лет, то есть лицо, которому на момент совершения в отношении него противоправных действий исполнился один год, но не исполнилось шести лет.

Малолетними признаются лица, которым на момент совершения в отношении них противоправных действий исполнилось шесть лет, но не исполнилось четырнадцати лет.

Несовершеннолетними признаются лица, которым на момент совершения в отношении них противоправных действий исполнилось четырнадцать лет, но не исполнилось восемнадцати лет”.

Помимо практической необходимости введения рассматриваемой статьи, существует и ее законодательное закрепление. Так, законодатель формулирует такие понятия, как вовлечение в преступления или антиобщественную деятельность, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Однако в законе отсутствует указание на возраст потерпевшего несовершеннолетнего. Если руководствоваться возрастом, указанным в ст. 87 УК РФ, где несовершеннолетний рассматривается как субъект преступления, которому исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцать лет, то за пределами рассматриваемых уголовно-правовых норм остаются лица, которые еще не достигли четырнадцатилетнего возраста, а значит, они находятся в группе особого риска, так как законодательно не защищены УК РФ от преступлений рассматриваемой группы. Предложенная статья “Возрастные границы” охватывает весь возрастной диапазон лиц, потерпевших от преступлений, предусмотренных не только в ст. 150 УК РФ, но и в ст. 151, 156, 230, 240 УК РФ.

Зарубежное законодательство предусматривает выделение возраста в рамках уголовного кодекса. Так, УК Австрии в разд. 8 § 74 даются следующие понятия: “Малолетний: это тот, кто еще не достиг четырнадцатилетнего возраста, несовершеннолетний: это тот, кто еще не достиг восемнадцатилетнего возраста”³.

Предложенная нами статья так же раскрывает понятие лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, в п. “д” ст. 63 УК РФ, теперь под таким лицом следует понимать: новорожденного, ребенка и малолетнего.

Объективную сторону составляет общественно-опасное и уголовно-противоправное деяние, ко-

торое совершается в определенное время и в конкретном месте, определенным способом, а в ряде случаев при помощи конкретных орудий или средств либо в определенной обстановке, которая складывается в объективной действительности к моменту совершения преступления.

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления - это преступление с материальным составом.

Так, Постановление Пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 “О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних” в п. 42 гласит: “...Преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий, предусмотренных диспозицией части 1 статьи 151 УК РФ (систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, занятия бродяжничеством или попрошайничеством)”⁴.

К способам вовлечения можно отнести психическое воздействие. В указанном постановлении Пленума не упоминается предложение совершить преступление, хотя этот способ считается наиболее распространенным.

По вопросу о понятии “вовлечение” и квалификации действий взрослых преступников более конструктивную позицию занял Пленум Верховного суда РФ. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 “О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних” в п. 42 указывает: “Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий”⁵.

Исходя из вышесказанного в новом Постановлении Пленума понятие вовлечения несовер-

шеннолетнего в совершение преступления должно включать следующие виды вовлечения:

1) подготовку несовершеннолетнего к участию в преступлении;

2) подстрекательство несовершеннолетнего к совершению одного или нескольких преступлений;

3) привлечение несовершеннолетнего к совершению преступления в качестве соисполнителя или пособника.

Подготовка несовершеннолетнего к участию в преступлении предполагает заранее продуманную и планируемую деятельность по формированию антисоциальной установки личности несовершеннолетнего. При этом преступники не всегда прямо предлагают несовершеннолетнему совершить преступление. Подготовка несовершеннолетнего к участию в преступлениях может осуществляться как интеллектуальными, так и физическими способами воздействия (задабривание, рассказы о “прелестях” жизни преступников, воспитание у несовершеннолетнего низменных чувств и инстинктов, а также постановка несовершеннолетнего в материальную зависимость, обучение на месте преступления воровским и другим навыкам и т.п.).

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления в виде подготовки к нему в судебной практике встречается относительно редко, что отчасти можно объяснить его латентным характером. Подстрекательство несовершеннолетнего к совершению одного или нескольких конкретных преступлений может быть как продолжением приготовительных действий, так и самостоятельным видом вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений. Согласно ст. 33 УК РФ, “подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы и другим способом”. Склоняя исполнителя к совершению преступления, подстрекатель, как правило, сам не принимает участия в совершении преступления. С объективной стороны, подстрекательство всегда выражается в действии, которое направлено на возбуждение у несовершеннолетнего исполнителя решимости совершить конкретное преступление или несколько преступлений.

Как правило, всю подстрекательскую деятельность можно разделить на несколько этапов.

Первым этапом такой деятельности является воздействие на психику несовершеннолетних,

которые обычно по уровню развития сознания и воли значительно уступают взрослым, им свойственны высокая степень внушаемости и подражательности, неустойчивость волевых качеств, недостаточное умение контролировать свое поведение и поведение окружающих при одновременном стремлении к самостоятельности и активности. Эти индивидуально-возрастные и психические особенности несовершеннолетних нередко используются взрослыми преступниками. То есть на первом этапе решается задача возбудить у несовершеннолетнего решимость совершить преступление.

Вторым этапом подстрекательства является возникновение у подстрекаемого решимости совершить преступление. Причем момент появления решимости у разных подростков может не совпадать. У одних такая решимость может возникнуть тотчас после подстрекательства, у других - значительно позже, у третьих может вообще не возникнуть. Здесь необходимо учитывать конкретную ситуацию, а также личные свойства и качества несовершеннолетнего, его состояние (алкогольное и одурманивающее опьянение).

Третьим этапом подстрекательской деятельности может стать совершение несовершеннолетним преступления. Теперь для уголовной ответственности по ст. 150 УК РФ требуется последовательная реализация трех этапов подстрекательской деятельности.

Наиболее распространенным видом вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления является привлечение их к совершению преступления в качестве соисполнителей или пособников. На долю этого вида вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления, по изученным уголовным делам, приходится примерно 80 % преступлений. Такое вовлечение теперь должно считаться оконченным не с момента привлечения несовершеннолетнего к выполнению ролей соисполнителя или пособника при обязательном сохранении организующей (лидирующей) роли взрослого преступника, а с момента выполнения ими объективной стороны преступления. Причем современное толкование Пленума ВС РФ указывает на то, что если преступление не было совершено по независящим от соучастников обстоятельствам, то взрослый теперь освобождается от уголовной ответственности по ст. 150 УК РФ.

Самостоятельного рассмотрения заслуживают способы вовлечения несовершеннолетнего в

совершение преступления. Существенным недостатком судебно-следственной практики являлось то, что при расследовании и судебном рассмотрении дел данной категории не исследуются способы вовлечения. В лучшем случае указывалось, что взрослый вовлек в преступление несовершеннолетнего, а как он совершил данное преступление, никаких данных не было. Так, из рассмотренных судами Республики Мордовии уголовных дел можно выделить следующие способы вовлечения:

- “путем возбуждения интереса к преступлению” (дело по обвинению Х. по ч. 2 ст. 150 УК)⁶;
- “путем предложения помочь ему” (дело по обвинению П. по ч. 2 ст. 150 УК)⁷;
- “путем словесного предложения” (дело по обвинению Ш. по ч. 2 ст. 150 УК)⁸;
- “путем обещания совместного использования похищенного имущества” (дело по обвинению Р. по ч. 2 ст. 150 УК)⁹;
- “путем угроз, применения физического насилия” (дело по обвинению Г. по ч. 4 ст. 150 УК РФ)¹⁰;
- “используя меры родительского воздействия и побуждая личным примером” (дело по обвинению К. по ч. 2 ст. 150 УК)¹¹;
- “путем просьбы, предложения” (дело по обвинению Конкина А.Е. по ч. 2 ст. 150 УК РФ)¹².

Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления суды, как правило, понимают сам факт совершения преступления несовершеннолетним совместно со взрослым.

В судебном заседании обстоятельства вовлечения детально не исследуются, чаще всего суд ограничивается принятием показаний взрослого и несовершеннолетнего о том, что взрослый предложил совершить преступление, а несовершеннолетний согласился участвовать в его совершении, при этом не выясняется, оказывал ли взрослый на несовершеннолетнего активное психическое или физическое воздействие и в чем это выражалось.

В ряде случаев, осуждая по ст. 150 УК РФ взрослого, суд не указывает в приговоре, в чем конкретно выразились действия лица, вовлекающего несовершеннолетнего в совершение преступления, ограничиваясь перечислением всех способов: “путем обещаний, обмана, угроз и иным способом” (не раскрывая, в чем же выразился этот иной способ). Под иными способами вовлечения, не связанными с насилием или угрозой его

применения, можно рассматривать: лесть, запугивание, возбуждение чувства зависти, дачу советов о способе совершения преступления и сокрытии его следов.

Как следует из рассмотренных нами судебных приговоров, для состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, является обязательным совершение вовлеченным несовершеннолетним лицом следующих противоправных действий:

1. Совместное совершение с несовершеннолетним, достигшим возраста уголовной ответственности, преступления, за которое осуждаются оба (и взрослый, и несовершеннолетний, например, совместное совершение кражи, действия обоих квалифицируются как кража, а у взрослого еще и ст. 150 УК РФ).

2. Вовлечение в преступление лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, при этом в отношении ребенка и малолетнего на стадии предварительного расследования принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду недостижения возраста уголовной ответственности.

Способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления различны, но все они могут быть подразделены на следующие две группы.

Первая группа включает способы психического воздействия. Это, прежде всего, такие способы коммуникативного влияния, как обман, угроза расправой, обещание приобрести или сбыть добытое преступным путем, убеждение, внушение, предложение совершить преступление, шантаж, подкуп, постановка в материальную зависимость, дача советов или указаний о месте, способе, времени совершения преступления.

Вторая группа способов - способы физического воздействия, применяемые при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления. Эти способы являются конструктивным признаком квалифицированного состава вовлечения в совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 150 УК РФ. В данной части ст. 150 УК РФ вовлечение совершается с применением насилия или угрозой его применения.

Изученная нами правоприменительная практика Республики Мордовии и Нижегородской области позволяет внести предложение о введении п. "б" в ст. 44 УК РФ с новым видом наказания - "лишение родительских прав". Это наказание, что очень важно, предложенное в рамках

Уголовного кодекса Российской Федерации, может быть назначено за преступления, предусмотренные ст. 150 УК РФ. Положение по лишению родительских прав может быть применено в тех случаях, когда были затронуты интересы лица, рассмотренного нами в ст. 18² УК РФ, и нарушено его физическое и психическое развитие.

Так, УК Швейцарии в ст. 53 предусматривает "лишение родительской или опекунской власти". Указанное наказание вступает в силу в следующем случае: "Если кто-либо нарушает свои родительские или опекунские или попечительские обязанности совершением преступления или проступка, за который ему назначается наказание в виде лишения свободы, то судья может лишить его родительской или опекунской, либо попечительской власти и объявить его неспособным осуществлять родительскую власть или быть опекуном или попечителем"¹³.

В связи с тем, что вовлечение несовершеннолетнего в преступление совершается родителем или лицом, на которое законом возложена обязанность по воспитанию вовлеченного, необходима недопустимость участия таких лиц в дальнейшем воспитании несовершеннолетнего, предлагается в качестве нового вида наказания в ч. 2 ст. 150 УК РФ применять "лишение родительских прав".

Объективная сторона ч. 3 ст. 150 УК РФ содержит такой квалифицированный признак, как вовлечение, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения.

Под угрозой вообще понимается выражение намерений причинить вред или применить насилие. Она может выражаться словесно или в действии, например, демонстрация оружия или другого предмета, способного причинить вред. При решении вопроса о характере угрозы в расчет берутся все обстоятельства дела и субъективное восприятие несовершеннолетним угрозы.

Угроза применить насилие, в смысле ч. 3 ст. 150 УК РФ, включает угрозу нанесения побоев, причинения вреда здоровью любой степени тяжести, а также угрозу убийства, изнасилования, совершения насильственных действий сексуального характера. Угроза здесь всегда охватывается составом преступления, предусмотренным ч. 3 ст. 150 УК РФ, и дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ не требует.

Нами предложено в рамках ч. 3 ст. 150 УК РФ рассмотреть следующую трактовку квали-

фицирующего признака, раскрывающего понятие насилия, градирующую его на две составляющих: физическое и психическое: *“...с применением физического насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой его применения”*. Принятие данного положения позволит снять вопросы толкования этого квалифицирующего признака у практических работников правоохранительных органов. Такой вывод сделан на основании опроса сотрудников ОДН г. Москвы, г. Н. Новгорода, г. Саранска.

В ч. 4 ст. 150 УК РФ предусматривается ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, связанное с вовлечением последнего в преступную группу либо в совершение тяжкого и особо тяжкого преступления.

При решении вопроса о способах и механизмах вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления важно постоянно учитывать возрастную склонность несовершеннолетних к групповому общению¹⁴. Последнее носит весьма сложный, иногда противоречивый характер, т.е. может не только “закреплять” положительные социально-психологические черты, но и ускоренно “проявлять” издержки в воспитании. Исходя из проведенного нами анализа судебной практики, можно отметить, что более чем в 90 % случаях вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу одновременно является и вовлечением в совершение тяжкого и особо тяжкого преступления.

Относительно такого квалифицированного признака ч. 4 ст. 150, как вовлечение несовершеннолетнего в совершение тяжкого и особо тяжкого преступления, наши исследования показывают, что чаще всего несовершеннолетние вовлекаются в совершение следующих преступлений: кражи - 69 %, хулиганство - 15 %, грабежи - 9 %, разбой - 4 %, угон автотранспортных средств, нанесение телесных повреждений, убийства и изнасилования - 3 %. Но на сегодня проявляется тенденция сепаратизма, национальной ненависти, которые в городах-мегаполисах зачастую захватывают под свое крыло и несовершеннолетних. Последние именно вовлекаются в экстремистскую деятельность, попадают в группировки “Скинхедов” и тому подобные путем насаждения им лживой идеологии их старшими товарищами.

Такие преступления, как убийство или причинение вреда здоровью разной степени тяжести, совершаются подростками в группе в 71,6 %

всех случаев, в том числе с участием взрослых в 45,9 %. Следовательно, большинство тяжких и особо тяжких преступлений несовершеннолетние совершают под влиянием взрослых преступников. Установлено, что крайняя жестокость несовершеннолетних проявляется именно в групповых преступлениях. Поэтому вовлечение несовершеннолетних в совершение тяжких преступлений, да еще и в составе преступной группы, участие в которой еще более увеличивает проявление возрастной жестокости, наиболее общественно-опасной форма вовлечения.

Таким образом, практически обоснованно включение в ст. 150 УК РФ таких квалифицированных признаков, как: вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления специальным субъектом; вовлечение посредством насилия или угроз его применения; вовлечение, сопряженное с вовлечением в преступную группу, в совершение тяжкого и особо тяжкого преступления. Говоря о способах вовлечения, не следует забывать, какие именно действия были предприняты вовлекателем для привлечения несовершеннолетнего к преступлениям. Предлагается ввести в ч. 4 ст. 150 УК РФ следующий квалифицирующий признак: *“...с применением физического насилия, опасного для жизни или здоровья, или с угрозой его применения”*. По нашему мнению, данный квалифицирующий признак раскрывает степень физического насилия и психический аспект применения такого физического насилия, как неотъемлемый компонент при вовлечении несовершеннолетнего.

Относительно ч. 4 ст. 150 УК РФ ответственность должна наступать не только за вовлечение в одну из преступных групп, предусмотренных ст. 35 УК РФ (группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество), но и за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления в банде (ст. 209 УК РФ), в составе незаконного вооруженного формирования (ст. 208 УК РФ). В двух последних случаях вовлекатель несет ответственность по совокупности преступлений: ст. 150, ст. 208 и ст. 150, ст. 209 УК РФ.

Предлагаем дополнить ст. 150 УК РФ новым квалифицирующим признаком - “преступление, совершенное при помощи или с использованием новорожденного, ребенка или малолетнего” - и структурно поместить его в ч. 5 ст. 150 УК РФ: *“деяния, предусмотренные частями первой,*

второй, третьей или четвертой настоящей статьи, совершенные при помощи или с использованием новорожденного, ребенка или малолетнего, наказываются лишением свободы на срок от семи до десяти лет”.

В связи с тем что лица, описанные выше, в силу возраста не могут создавать соучастия (Постановление Пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 “О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних”), на практике именно они используются преступником, так как в силу своего возраста восприимчивы и наивны в большей степени, чем несовершеннолетние. Указанные лица привлекаются там, где необходима своего рода “специализированная помощь” (например, при квартирной краже, проникновении ребенка или малолетнего в жилище через форточку, при мошенничестве преступник при помощи новорожденного притупляет внимание жертвы и входит в доверие), т.е. новорожденный, ребенок, малолетний используются как орудие для совершения преступления. Этим обосновывается необходимость защиты указанных выше лиц от преступных посягательств.

Вовлечение несовершеннолетнего в преступление - наиболее опасное преступление, так как эти действия нарушают полноценный процесс воспитания несовершеннолетнего. Вместе с тем несовершеннолетние в отличие от взрослого несут менее строгое наказание, но сам факт такого негативного опыта в жизни несовершеннолетне-

го откладывает отпечаток на всю его судьбу. Известно (на основании исследований, проведенных нами), что в “детство” после вовлечения в преступления возвращается только около 20 % потерпевших.

¹ Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. В.Н. Петрашева. М., 1999. С. 138.

² Ожегов. С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. С. 85.

³ Уголовный кодекс Австрии. СПб., 2004. С. 127.

⁴ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 1 февр. 2011 г. № 1 “О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних”. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/307653>.

⁵ Там же.

⁶ Уголовное дело № 1-171 // Архив Октябрьского районного суда г. Саранска, 2005.

⁷ Уголовное дело № 3-12 // Архив Пролетарского районного суда г. Саранска, 2004.

⁸ Уголовное дело № 1-23 // Архив Ромодановского районного суда п. Ромоданово, 2005.

⁹ Уголовное дело № 2-56 // Архив Ленинского районного суда г. Саранска, 2007.

¹⁰ Уголовное дело № 3-12 // Архив Октябрьского районного суда г. Саранска, 2003.

¹¹ Уголовное дело № 1-13 // Архив Лямбирского районного суда п. Лямбировь, 2006.

¹² Уголовное дело № 2-34 // Архив Пролетарского районного суда г. Саранска, 2002.

¹³ Уголовный кодекс Швейцарии: пер. с нем. / науч. ред. А.В. Серебрянникова. СПб., 2002. С. 34.

¹⁴ Лейтес Н.С. Способности и одаренность в детские годы. М., 1984. С. 67.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.